

УДК 130.2

**ПРОБЛЕМЫ СОЦИОКОДОВ КУЛЬТУРЫ И
ТРАНСЛЯЦИИ ИНФОРМАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ****PROBLEMS SOCIOCODE CULTURE AND BROADCASTING MEDIA IN MODERN
CULTURAL STUDIES****К.И. Черкесова
K.I. Cherkesova***Белгородский государственный институт искусств и культуры,
Россия, 308033, Белгород, ул. Королева, 7**State Institute of arts and culture, 7 Queen St, Belgorod, 308033, Russia**E-mail: kcherkesova@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается проблема трансляции знания в истории культурологии. Отталкиваясь от концепта социокода М.К. Перова, анализируется идея кодирования и трансляции информации в культуре в работах Ф. де Соссюра и Ю.М. Лотмана.

Resume. The article deals with the problem of translation of knowledge in the history of cultural studies. Based on the concept of social code M.K. Perova, analyzes the idea of coding and transmission of information in the culture in the works of F. de Saussure and M. Lotman.

Ключевые слова: культура, трансляция, информация, знание, код.
Key words: culture, broadcasting, information, knowledge, code.

Достаточно определенная на первый взгляд проблема социокодов культуры в понятийных границах его определения М.К. Петровым, на практике оказывается совсем не простой. И это несмотря на то, что Михаил Константинович достаточно определенно высказывается о социокode: «Для всей этой совокупности массива знания и непосредственно связанных с ним институтов и механизмов различного назначения мы ниже будем употреблять термин социокod, понимая под ним основную знаковую реальность культуры, удерживающую в целостности и различении фрагментированный массив знания, расчлененный на интерьеры мир деятельности, и обеспечивающие институты общения» [9, с. 39]. И трудность культурологического самоанализа состоит не только во все еще малой известности идей самого М.К. Петрова [см.: 8], но в большей мере в том большом контексте идей и теорий, которые окружают саму проблему взаимодействия культур и культурной динамики.

Выстраивание концептуальных связей вокруг проблематики социокода и трансляции знания целесообразно начать с определяющего понятия культура. Это отсекает массу вопросов и теоретических конструкций, находящихся вне интересующего нас проблемного пространства. Термин культура имеет тенденцию достаточно интенсивно разрастаться по линиям кода, символа, знака, техники, информации и прочих, сопряженных с приведенными (хотя список далеко не полный) понятиями и концептами. И чтобы размышления о культуре не стали размышлениями «обо всем», поставим достаточно определенный вопрос, который актуализирует саму проблему социокода в культуре и конкретизирует корпус наличной литературы о культуре. Этот вопрос о том, *как влияют информационные технологии на культуру сегодня?*

Масштабы и скорость культурных преобразований под влиянием технологических изменений сложно отрицать. Конкретно-исторический ракурс рассмотрения культуры, которая очевидным образом изменяется сегодня, говорит в пользу того, что культура как объект исследования носит не только изменчивый характер, но и деятельностный. Она активно изменяется человеком, под влиянием его деятельности, в нашем случае преимущественно технологической, но также творческой. Как пишет Г.С. Кнабе культура двуедина, поскольку соединяет в себе индивидуальное и коллективное: «Культура как форма общественного сознания отражает это двуединство общества – всегда состоящего из индивидов, самовоспроизводящих себя в процессе повседневной практики, и из норм и представлений, основанных на обобщении этой практики и регулирующих поведение этих индивидов в процессе той же практики» [3, с. 3]. И обращение к марксистской трактовке культуры и культурных изменений в нашем случае обусловлены не некой симпатией к марк-

сизму, а тем, что она объясняет культурные изменения исходя из совершенно конкретных технологических, конкретно-исторических и материалистических изменений.

Михаил Константинович Петров приводит цитату из работы К. Маркса и Ф. Энгельса «Немецкая идеология» о том, что обстоятельства творят людей в той же мере, что и люди обстоятельства [7, с. 37], делая акцент на том, что человек наследует обстоятельства своего существования. Именно это обеспечивает преемственность культуры, стабильность общества и составляет традицию – инерционная составляющая наследования. Помимо этого наследуются и познавательная составляющая, которая изменяет обстоятельства в ходе революционной практики человека. И последняя составляющая как раз относится к той ситуации, когда люди меняют обстоятельства. Меняют в процессе своей деятельности, что уже есть не трансляция, а трансформация. Следующий вопрос состоит в том, как это наследование происходит и что является носителем того, что передается в поколениях людей. И если в животном мире такой единицей является биологический код и наследственная передача генетической информации, изменяемой под действием мутаций, то в мире человека следует говорить о социальном наследовании и, соответственно, о социокоде. М.К. Петров отмечает, что социокоду присущ «постредакционный» характер, поскольку он начинает свою «работу» после рождения человека и после механизмов биологического наследования. Единицей аналогичной гену в социокоде будет знак: «Есть лишь один возможный претендент на роль социального гена, социальной наследственной сущности – знак в его способности фиксировать и неопределенно долго хранить значение. Знак и язык совечны обществу, но если язык в основном наборе функциональных нагрузок выступает как средство общения, то знак, как правило, оказывается носителем смысла и основанием его преемственного изменения, результатом, адресом и поводом общения» [9, с. 29]. Вневременной характер знака позволяет сколь угодно долго транслировать содержание культуры, причем отчужденно от опыта конкретного человека. Независимость от единичного, всеобщность знака и передачи смысла с его помощью также не привязаны к пространственным координатам [9, с. 30]. Человеческая деятельность наоборот, имеет противоположные характеристики. Ведь передача возможна и в процессе непосредственного обучения и даже подражания, от конкретного человека к человеку, с теми оговорками, что они будут находиться в одном и том же месте и в одно и то же время, не говоря о зависимости от самих этих людей. Передача знания посредством знака, таким образом, более устойчива, поскольку не зависит от реалий жизни конкретного человека. Помимо этого, второй особенностью, по М.К. Петрову, является недостаточность одного знания (того, что передается с помощью знака), поскольку оно всегда уже есть для человека, но является внешним по отношению к нему. Знание необходимо интериоризировать, сделать своим.

Поэтому процесс трансляции знания или «распаковки» знака и извлечения из него смысла должен заканчиваться выходом в деятельность. Последняя, изменяясь в ходе жизнедеятельности, под влиянием конкретно-исторических условий, будет корректировать знак. Но и сам человек, как дешифратор социокода, влияет на процесс трансляции и трансмутации, поскольку имеет ограничения по вместимости знания, также как и объема деятельностных навыков, что достаточно важно для анализа культуры, «поскольку объем социально необходимого корпуса знания и соответствующей ему деятельности всегда превышает возможности отдельно взятого индивида – его физическую и ментальную «вместимость», корпус знания необходимо фрагментировать, иссекать по контурам вместимости индивидов в посылные для них части, а также интегрировать эти части в целостность корпуса знания. Именно фрагментация и интеграция, принятый в данном обществе способ фрагментации и интеграции знания определяют структурные контуры культурного типа, возможные для данного типа способы познания мира и изменения суммы обстоятельств» [9, с. 31].

Важнейшей характеристикой человекообразности знания является его соразмерность «средней» голове человека и возможность распаковки ею и использования знания на практике. Именно эта характеристика определяет структуру членения знания и способы его передачи, то есть, саму культуру как таковую, ее функционирование и устройство. В том числе и материальную ее часть, которую М.К. Петров называет интерьером. Это происходит по той причине, что фрагмент знания предполагает не только его самого, но и те условия, которые необходимы для его использования: «В рамках отношения «фрагмент знания – смертный индивид» фрагмент задает индивиду через наследуемые им программы социально значимой деятельности вполне определенный круг реалий окружения, алгоритмы воздействия на эти реалии, орудийные арсеналы, формы конечного продукта и тип. Деятельность всегда единична, «актова», в каждом из своих актов она привязана к текущим условиям пространства и времени. Но деятельность и репродуктивна, фрагмент знания как раз и возможен в силу ее репродуктивности, поэтому относящиеся к делу реалии – материалы, орудия, продукты – получают некоторую обобщенную характеристику...» [9, с. 33]. В этом аспекте необходимой связи знания и объектов, человека и его окружающего в их едином производственном комплексе М.К. Петров очень близок целому ряду западных философов, в частности, Ж. Делезу с его идеей желаемых машин, соединяющих в себе и человека, и его орудия производства и реализации желания [см.: 2].

Таким образом, М.К. Петров предлагает различать две отличающиеся друг от друга «области человеческой активности» деятельность и общение. Деятельность направлена на обеспечение жизни человека, а общение на изменение знания, которое ведет к изменению деятельности. Отметим еще раз, что общение знаково опосредовано и определенным образом организовано. Внимание к знаковой реальности действительно можно проследить если не с момента появления человека, то с начала философии совершенно точно. И М.К. Петров также помещает идею социокода в достаточно широкий историко-философский, исторический, лингвистический, а также семиотический контекст. Помимо этого параллелизм знака и знания нагружают идею историко-научными обращениями.

Эти контексты обуславливают также обращение к проблеме знака, определяющего для понимания социокода. Начиная с Гераклита осмысление знаковой реальности в европейской традиции выстраивается на идеях всеобщего, тождества и противоречия формы и содержания, а также аналитических механизмах анализа и синтеза. Эти же основания ограничивают западную модель: «Античностью же заданы и пределы поиска лингвистических единиц – уровни фонем, слов, предложений как основы стратификации предмета лингвистики. При этом освоенный еще Демокритом и Платоном уровень фонем (буквы – стихии – атомы) задан как низший предел исследования... Введенный Аристотелем уровень предложений – верхний предел исследования, и предложение – высшая единица языка, что время от времени подтверждают и лингвисты нашего времени» [9, с. 60]. Среди них множество исследователей языка, речи, коммуникации или информации, символа, дискурса и прочего, что так или иначе укладывается в указанную выше схему на правах противника вещи или материи.

Не менее важен также обще и научно-научный контекст социокода (проблемы социокода). И если М.К. Петров выделил центральную схему в европейской модели исследования, то более частные вехи, которые нужно учитывать, будут включать в себя и тот философский и богословский фундамент, который заложило средневековье в основание герменевтики, модели интерпретации текста, и само появление текста как объекта исследования. Как отмечает М.Ю. Лотман, название семиотика, наука о знаках, встречается уже у Дж. Локка, а далее круг объектов и имен исследователей расширяется еще больше.

Одно перечисление имен всех исследователей нашей проблемы заняло бы достаточное количество времени и сил. Отдавая себе отчет в достаточной относительности нашего выбора остановимся только на неких знаковых именах, которые позволят подтвердить утверждение М.К. Петрова.

Логично начать с фигуры Ф. де Соссюра, для которого единицей коммуникации является языковой знак как единство означающего и означаемого, как он отмечает «понятия» (акта сознания) и акустического образа. При этом речь, как слышимое ухом человека, есть только часть изучаемого предмета, поскольку звук 1) образует «целостное единство с понятием»; а также в каждый свой момент является 2) соединением лично-индивидуального и коллективного, настоящего, рожденного здесь и сейчас, и прошлого, унаследованного от поколений предков [10, с. 16]. Для возникновения коммуникации, проявления речи как таковой, достаточно двух людей. Связь между ними Соссюр описывает как схему преобразования явлений сознания (понятия) в речь (акустический образ) говорящего. В обратном порядке все то же самое происходит со слушающим, который сначала воспринимает звук или акустический образ, который затем распаковывает в своем сознании в понятие или понятия. Объяснение проблемы понимания, упирающейся в общность понятий и тем самым адекватности соотношения произнесенного звука с феноменами сознания разных людей, выводят Соссюра на необходимость различения речи и языка, как социального (коллективного), а значит разделяемого всеми, принадлежащими к некоей общности, и индивидуального: «Язык существует только в силу своего рода договора, заключенного членами коллектива...» [10, с. 22] – пишет он, хотя конечно, слово договор здесь употребляется достаточно условно (его можно соотносить с общим контекстом этого слова или концепта европейской мысли начиная с Т. Гоббса). Не менее интересно то, что Соссюр пишет о письменности: «Язык не в меньшей мере, чем речь, конкретен по своей природе, и это весьма способствует его исследованию. Языковые знаки хотя и психичны по своей сущности, но вместе с тем они не абстракции; ассоциации, скрепленные коллективным согласием и в своей совокупности составляющие язык, суть реальности, локализирующиеся в мозгу. Более того, знаки языка, так сказать, осязаемы: на письме они могут фиксироваться посредством условных написаний, тогда как представляется невозможным во всех подробностях фотографировать акты речи» [10, с. 22-23]. По его мнению письмо – это «знаки языка» и по своей сути оно есть то же самое, что и речь. В случае речи происходит «психическое», кодирование актов сознания с помощью звуков, а в случае письма кодирование с помощью знаков. Указание на то, что они не абстракции, то есть не только психичны, в понимании этого слова как субъективны, можно расшифровать как то, что речь, как и письмо, являются способами объективации субъективного и трансляции совершенно объективного знания (в терминах Соссюра объективных актов сознания). И еще важно для нас то, что письмо обладает способностью фиксации речи, которую во времена Соссюра было сложно (он пишет невозможно) «сфотографировать», то есть зафиксировать и транслировать далее. Письмо более фундаментально, оно имеет иные отношения со временем, чем

речь. В отношении социокода речь более тяготеет к общению и трансформации, письмо же скорее к трансляции, поскольку стремится более к неподвижности и отрицанию времени как такового.

В таком схематичном виде, поскольку мы не ставим перед собой цель подробного рассмотрения концепции знака Ф. Де Соссюра, его идеи концентрируют не только семиологические знания конца XIX – начала XX века, но также антропологические, культурологические и философские. И если он сознательно уходит от культурологического ракурса рассмотрения проблемы знака, то достаточно подробно останавливается на сравнении языков различных народов, называя это в «Курсе общей лингвистики» лингвистикой географической. Взаимодействие языков хотя и нельзя полностью отождествить со взаимодействием культур, однако выделяемые Соссюром тенденции в отношении языков достаточно интересны. Он выделяет две модели взаимоотношения языков (отчасти и культур) смежных, называя одну из них «дух родимой колокольни», который подвигает людей к оседлости и замкнутости, а другую «тягой к взаимному общению» [10, с. 205]. В случае с территориями, которые расположены далеко друг от друга, все более разнообразно. Языковые контакты могут достаточно долго продолжаться, прерываться и прекращаться вовсе. Волнообразный процесс трансформации языка во времени и пространстве тем более интенсивен, чем более ему способствуют различные культурные, исторические, политические и иные факторы. Отметим, что сам Соссюр не идет дальше небольшой отсылки к истории: «Разрыв языковых связей возникает не только в результате колонизации или завоевания, он может произойти и вследствие изоляции: так, румынский язык утратил контакт с романской средой, будучи оторван от нее славянским населением» [10, с. 208]. Таким образом, язык как система кодирования смыслов (или понятий, что ближе к Соссюру) трансформируется сам, подчиненный собственной логике развития, но также под влиянием факторов, которые можно назвать внешними, поскольку их природа вне языковая. Концептуально мы находим не только деление на речь и язык, о различии которых мы уже сказали, но также единицу анализа — языковой знак, соответствующий некому фрагменту реальности. Причем сам он также противоречив, поскольку состоит из означаемого, которое есть некий акт сознания или понятие по Соссюру и означаемое — акустический образ. За границами этой концепции, как некое непроговариваемое, есть и отсылка к технике и технологиям трансляции, также, как и культурным практикам. Невозможность сфотографировать речь как необходимость письма, уже можно продолжить до противопоставления естественного языка и искусственного письма, нуждающегося в преобразовании естественных материй. Для Соссюра речь ограничена, прежде всего, возможностями человека, хотя дальше вычитывания таких намеков и неявных отсылок идти уже достаточно сложно.

Собственно то же деление на язык и речь мы можем найти и у других исследователей. Ю.М. Лотман также обращается к нему, хотя основной единицей анализа для него является текст. Структурный анализ текста, восходящий к структурной методологии К. Леви-Стросса, в качестве исходной берет художественное произведение как «некую реальность», имеющую части. Принцип выделения этих частей Ю.М. Лотман определяет достаточно четко: «Одно из основных свойств художественной реальности обнаружится, если мы поставим перед собой задачу отделить то, что входит в самую сущность произведения, без чего оно перестает быть самим собой, от признаков, порой очень существенных, но отделимых в такой мере, что при их изменении специфика произведения сохраняется и оно остается собой» [4, с. 12]. Собственно такая процедура вычитания из ткани текста несущественного, изъятие того, что не повлияет на произведение как целостную реальность и есть выявление его структуры. Именно таким образом выявляется система необходимых отношений между частями единого целого художественного текста.

С позиции такого подхода самостоятелен ли сам текст. Он, очевидно, может рассматриваться как некая единица анализа, но понимаемая как часть, в свою очередь, более широкого - системы, что есть продолжение принципов системности, но уже не только внутри него самого, но и за его пределами. Текст и система иерархичны внутри себя и так же соотносятся между собой, различаясь по уровню абстрактности (здесь работает принцип возрастания абстрактности с возрастанием уровня системы). Так конкретный текст, рассматриваемый как система, будет частью более абстрактного образования и будет выражать ее определенным способом. Ю.М. Лотман отмечает фундаментальный характер разграничения системы и текста. Причем их различие носит не абсолютный, а относительный характер, поскольку оно связано с ракурсом рассмотрения и изучения. Иерархичность структуры в целом объясняют этот тезис: «... в силу отмеченной уже иерархичности этих понятий одно и то же явление может выступать в одних связях как текст, а в других как система, дешифрующая тексты более низкого уровня. Так, евангельская притча или классицистическая басня представляют собой тексты, интерпретирующие некоторые общие религиозные или нравственные положения. Однако для людей, которые должны воспользоваться этими поучениями, они представляют модели, интерпретируемые на уровне житейской практики и поведения читателей» [4, с. 13].

Ю.М. Лотман предостерегает и от противопоставления текста и структуры как эмпирического и умозрительного соответственно. Структура воплощается в конкретных текстах и действует через них. Ее действие и действительность проявляется в том, как люди по разному декодируют один

и тот же текст, исходя из селективных механизмов различных структур. Пример с улицей, который приводит Ю.М. Лотман, есть одновременно пример широкого понимания текста (текст здесь не только текст художественный или любой другой, но текст как совокупность связанной между собой информации), но и разных моделей его декодирования. Так действительно, с этим нельзя не согласиться, улица по-разному воспринимается водителем и пешеходом, сотрудником полиции и «любителем прекрасного пола». Способность замечать и не замечать, то есть селекция информации на основе кода, присущего системе, говорит о реальности последней, ее активном воплощении не только в текстах в узком смысле этого слова, но текстах повседневности. В этом смысле реальность и есть текст. Воспринятое человеком становится означенным и далее иерархизированным, отобраным или отселектированным в соответствии с определенной системой или системами.

Отметим, что к понятиям язык и знак Ю.М. Лотман также обращается, в частности, в работе «Анализ поэтического текста», и язык определяется им, как «механизм знаковой коммуникации, служащий целям хранения и передачи информации» [4, с. 18]. Основу языка составляет знак, который имеет двуединую природу, поскольку включает в себя аспект материального выражения, а также содержания. Иерархически организованные знаки составляют язык. Он, в свою очередь, делится на естественный язык (или языки), язык в его привычном понимании, искусственные языки, узко-специализированные знаковые системы, а также то, что Лотман называет вторичные модулирующие системы: «... семиотические системы, построенные на основе естественного языка, но имеющие более сложную структуру. Вторичные моделирующие системы; ритуал, все совокупности социальных и идеологических знаковых коммуникаций, искусство складываются в единое сложное семиотическое целое - культуру» [4, с. 21].

Подход к определению коммуникации Ю.М. Лотмана учитывает и тот факт, что коммуникация может разворачиваться не только между человеком и человеком (вспомним элементарный уровень у Соссюра), но также между человеком и машиной, машиной и машиной или человеком и животным. Вполне возможно, что есть и другие вариации, но все они будут являться системами коммуникации и передачи информации. Еще раз отметим, что обращение к понятию информации создает концептуальную связь между семиотикой и кибернетикой, часто остающейся «за бортом» гуманитарных исследований. Как пишет Ю.М. Лотман, математическая теория информации и кибернетика во многом двигались параллельно с семиотикой и исследованиями знака: «Проблема хранения и передачи информации одновременно оказалась и в центре внимания кибернетики, причем «информация» стала трактоваться здесь более широко, как всякая структурная организация... Картина мира, набросанная отцом кибернетики Н. Винером, - это колоссальная битва организации и дезорганизации информации и разрушения («энтропии»)» [6, с. 9].

Передача информации возможна только при посредничестве знака. Н. Винер рассматривает коммуникацию как передачу информации и внутри какого-либо организма: «Один из выводов настоящей книги состоит в том, что всякий организм скрепляется наличием средств приобретения, использования, хранения и передачи информации», а также целых сообществ; в случае с человеческими сообществами речь идет о знаковых формах... В обществе слишком большом для прямого контакта между его членами, эти средства суть пресса (книги и газеты), радио, телефонная связь, телеграф, почта, театр, кино, школы и церкви» [1, с. 151]. Семиотика более осторожна в отношении отождествления передачи информации в животном мире и мире человека, однако понятие информации прочно было усвоено исследователями языка и семиотикой в частности. На различие языка и кода Ю.М. Лотман указывает в статье «Культура и взрыв», говоря о том, что код исторически нейтрален, он находится вне времени. Идеальная модель функционирования кода стремится исключить время (информация доходит от адресата к адресанту мгновенно), равно как и искажения, которые на практике исключить нельзя. Язык же историчен, нагружен временными характеристиками даже в абстрактном своем понимании. Говорение требует времени. Точно также, как и выявления некоего контекста. Разделение можно установить по линии человек - машина, где миру человека свойственен язык, а машине код: «Передача информации внутри «структуры без памяти» действительно гарантирует высокую степень идентичности. Если мы представим себе передающего и принимающего с одинаковыми кодами и полностью лишенными памяти, то понимание между ними будет идеальным, но ценность передаваемой информации минимальной, а сама информация - строго ограниченной. Такая система не сможет выполнять всех разнообразных функций, которые исторически возлагаются на язык. Можно сказать, что идеально одинаковые передающий и принимающий хорошо будут понимать друг друга, но им не о чем будет говорить» [5, с. 15].

Говоря о коде, его специфических смысловых характеристиках, Лотман не говорит того же об информации, хотя это понятие более распространено. Мы считаем, что оно также, являясь выходцем из кибернетики и математической теории, имеет схожие смыслы с кодом и не равнозначно понятию текст. Одним из различий можно считать также внеисторический характер информации, его нейтральность к человеку и его памяти. Если текст транслируется от человека к человеку и ими же создается, то информация не нуждается в человеке как таковом. Хранение, создание и трансляция информации машинами есть та реальность, в которой мы живем. Информация более всеобща, текст же ограничен пространственно (как и временно). Гипертекст это уже более информация, чем текст.

Реальность человеческого общения такова, что каждый человек посредством говорения или написания кодирует своё субъективное восприятие мира. И здесь происходит столкновение минимум двух языков и символических реальностей, которые они репрезентируют: «Минимальной работающей структурой является наличие двух языков и их неспособность, каждого в отдельности, охватить внешний мир. Сама эта неспособность есть не недостаток, а условие существования, ибо именно она диктует необходимость *другого* (другой личности, другого языка, другой культуры). Представление об оптимальности модели с одним предельно совершенным языком заменяется образом структуры с минимально двумя, а фактически с открытым списком разных языков, взаимно необходимых друг другу в силу неспособности каждого в отдельности выразить мир. Языки эти как накладываются друг на друга, по-разному отражая одно и то же, так и располагаются в «одной плоскости», образуя в ней внутренние границы. Их взаимная неперевоидимость (или ограниченная перевоидимость) является источником адекватности внеязыкового объекта его отражению в мире языков» [5, с. 13]. В этом столкновении, взаимном переводе и понимании, действительно возникает объективированная реальность как вне языковая, сам материальный мир, так и коллективное символическое — культура.

Список литературы References

1. Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине / Информационное общество. М., 2004.
Wiener N. Cybernetics, or control and communication in the animal and the machine / Information society. M., 2004.
2. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. М., 2010.
Deleuze, G., Guattari, F. a Thousand plateaus: Capitalism and schizophrenia. M., 2010.
3. Кнабе Г.С. Семиотика культуры. Конспект учебного курса. М., 2005.
Knabe G. S. the Semiotics of culture. The outline of the training course. M., 2005.
4. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста.
Lotman Yu. M. Analysis of the poetic text.
5. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М., 1992.
Lotman, Yu. M. Culture and explosion. M., 1992.
6. Лотман Ю.М. Люди и знаки. СПб., 2000.
Lotman Yu. M. People and signs. SPb., 2000.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Сочинения. 2-е изд. Т.3.
Marx K., Engels F. the German ideology. Works. 2-e Izd. Vol. 3.
8. Неретина С.С. Михаил Константинович Петров. Жизнь и творчество. М.: УРСС, 1999.
Neretina S. S. Mikhail Konstantinovich Petrov. Life and work. M.: URSS, 1999.
9. Петров М.К. Язык, знак, культура. М., 1991.
Petrov M. K. Language, sign, culture. M., 1991.
10. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Екатеринбург., 1999.
Saussure, F. de. Course in General linguistics. Ekaterinburg., 1999.